

© 2003 г. А.К. МАТВЕЕВ

К ЭТИМОЛОГИИ СУБСТРАТНЫХ ТОПОНИМОВ С ОСНОВАМИ ТАМБ- И ТАМ-

В статье о прибалтийско-финских субстратных топонимах на территории севера России М. Фасмер приводит название *Тамбич-Озеро* (недалеко от Водлозеро в Олонецкой губернии, ныне в Республике Карелия) и сопоставляет его с фин. *tammiko* 'дубняк', 'дубовый лесок', *tamminen* 'дубовый', а также топонимом *Tammikonniemi* в районе Выборга [Vasmer 1934. 406], указывая при этом, что русское название точно соответствует реконструируемому фин. **Tammisjarvi*.

Этимология Фасмера не привлекла особого внимания. И сам знаменитый этимолог как будто бы не обращался снова к этому названию. Между тем оно по многим причинам интересно, а его этимология поучительна.

Интерпретация географических названий, обозначающих фитообъекты, обычно подтверждается достаточно высокой частотой употребления топоосновы в пределах установленного ареала, а в этом случае должна быть подкреплена и данными палеоботаники, поскольку дуб в настоящее время на территории Карелии не растет. Кроме того, необходимо убедиться в том, что выявленная основа не может быть истолкована каким-либо другим путем.

В "Каталоге озер и рек Карелии" засвидетельствованы два притока Заонежского залива Онежского озера с названием *Тамбица* [КОРК 2001. 274, №№ 1557, 1590], а также река *Жилая Тамбица* [КОРК 2001. 267, № 1602], приток реки Пяльма, также впадающей в Заонежский залив. В устье реки *Тамбица* (№ 1557) находится населенный пункт *Тамбицы*. В верховьях реки *Жилая Тамбица* имеются озера *Верхнее Тамбичозеро* [КОРК 2001: 241, № 1893] и *Нижнее Тамбичозеро* [КОРК 2001: 253, № 1894]. В XVI в эти смежные озера именовались *Тамбач-озерко* [ПКОП 1930 167], *Тамбеч-озеро* [ПКОП 1930: 174], *Тамбоч-озеро* [ПКОП 1930: 178], *Тамоч-озеро* [ПКОП 1930: 178] Здесь же расположен населенный пункт *Тамбичозеро*, который был указан в списках населенных мест Олонецкой губернии 1879 г. [Сп. Олон 1879: 183], использованном Фасмером в качестве одного из основных источников статьи. Ниже по реке *Жилая Тамбица* есть еще один населенный пункт *Тамбицы*. Таким образом, если исключить ойконимы, явно вторичные по происхождению, в Карелии выявлено пять географических объектов, названия которых содержат основу *тамб-* (три реки, два озера), и все они сосредоточены в Заонежье.

Аналогичные, однако более многочисленные и разнообразные факты находим и на Русском Севере (РС), но только в его западной части между Карелией и Сев. Двиной¹

1 *Тамица*¹, река и населенный пункт. Восточный берег Онежской губы Белого моря (Онежский район Архангельской области). Здесь же озера *Большое Тамицкое* и *Малое Тамицкое* (реже – *Большое Таменское* и *Малое Таменское*), а также болото

¹ Все топонимы, которые приводятся без ссылки на источник, извлечены из картотеки Топонимической экспедиции Уральского государственного университета Ударение в субстратных топонимах на первом слове

Тамицкие Мхи. В грамоте 1559 г река *Тамица* [АСМ 1988: 155, 159], но в 1627 г река *Танбица* [КБЧ 1950: 158].

2. *Тамбичозеро*, озеро в Плесецком районе Архангельской области на границе с Карелией. Из озера течет река *Тамбица*, впадающая в залив озера Кенозеро *Тамбичлахта*² у одноименной деревни Плесецкого района. Это озеро местные жители именуют также *Тамичозеро*, *Тамечозеро*, *Таметьюзеро*, реку – *Тамбича*, *Тамбич*, *Тамбичрека*, *Тамбичречка*, *Тамица*, *Тамиц*, *Тамича*, *Тамич*, *Тамец*, залив и деревню – *Тамичлахта*, *Тамицлахта*, *Тамечлахта*, *Тамицкая Лахта*, *Тамечкая Лахта*.

3. *Тамбица*, озеро, также *Тамбицкое*, *Таменьское*, исток речки *Тамбица* (*Танбица*) в бассейне реки Вожега (Вожегодский район Вологодской области).

4. *Тамбов*, ручей, приток реки Тинготомы, впадающей в озеро Воже (Вожегодский район Вологодской области).

5. *Таменьша*, также *Таменца*, речка в бассейне реки Моша (Няндомский район Архангельской области).

6. *Тамостров*, остров на реке Мехренга в Плесецком районе Архангельской области.

7. *Тамошка*, речка, болото, луг в бассейне реки Вага (Вельский район Архангельской области).

8. *Тамошка*, речка в бассейне реки Ухтюга (Вожегодский район Вологодской области). Здесь же луг *Тамошки*.

9. *Тамушка*, речка в бассейне реки Кокшеньга (Тарногский район Вологодской области). В грамоте 1682 г. река Тамашка [СГКЭ 1929: 764, 766, 783].

Сопоставление топонимов Карелии и РС свидетельствует о том, что основы *тамб-* и *там-* могут употребляться в одних и тех же топонимах, причем колебания такого рода отмечаются уже в документах XVI–XVII вв. Поскольку изменение *-м-* > *-мб-* для русского языка нехарактерно (о *мм-* > *мб-* см. ниже *дамба*), следует думать о переходе *мб* > *мм* > *м*, который имел место в русской речи. Он мог быть обусловлен ранним усвоением названий, на которое указывает русская морфологическая адаптация, характерная для всех топонимов с этими основами. В некоторых случаях они представляют собой полукальки: *Тамбичозеро*, *Тамостров*, а также *Тамбичлахта* ввиду очевидной ретросубституции, то есть использования ранее заимствованного географического термина *лахта* ‘залив’ (подробнее см. [Матвеев 2001: 121]). Однако чаще эти топонимы приобретают русские суффиксы *-ица*, *-ов*, *-ушка* и др., причем суффикс *-ица* сильно варьирует в связи с модификациями согласного *ц* (*ц'*, *ч'*, *т'*) и апокопой конечного гласного в сложениях типа *Тамбичозеро*, что в свою очередь способствует появлению усеченных форм типа *Тамиц*, *Тамич* и т.п. Определенное воздействие на появление таких форм мог оказать и распространенный в субстратной топонимии РС суффикс *-Vч* (см. о нем [Матвеев 2001: 247–148]). Кроме того, не исключено, что наименования на *-ошка*, *-ушка* могут быть связаны по происхождению с субстратными названиями на *-Vша*, к которым присоединялся русский суффикс *-ка*, а это вело к переосмыслению морфемного членения слова.

Из всего сказанного можно заключить, что русские воспринимали в одних случаях топонимы с основой *тамб-*, в других – с основой *там-*. Это предположение согласуется с результатами картографирования, которое показывает, что названия с основами *тамб-* и *там-* образуют четкий ареал, охватывающий территорию РС между Белым морем, Сев. Двиной и Сухоной, а также смежную с ней часть юго-восточной Карелии. Восточнее Сев. Двины и южнее Сухоны основы *тамб-* и *там-* не встречаются. В то же время примечательно, что топонимы с основой *тамб-* сосредоточены в западной части ареала (до бассейна Онеги включительно), а с основой *там-* – в восточной: в Карелии засвидетельствованы только названия с основой *тамб-* (еди-

² Слово *лахта* ‘залив’, в топонимии *Лакта-*, *-лахта*, заимствовано из прибалтийско-финских языков, ср. фин. *lahti* ‘то же’ [Kalima 1919: 151]

ничное *Тамоч-озеро* в [ПКОП 1930 178] может быть опиской), а в бассейне Онеги фиксируются наименования с основой *тамб-*, имеющие варианты с основой *там-*. Они образуют как бы переход к более восточным топонимам с основой *там-*. Можно предположить, что зона топонимов с колебанием основ *тамб-/там-* отражает русскую инновацию *тамб-* > *там-*, а зоны *тамб-* в Карелии и *там* между Онегой и Сев. Двиной – звуковую специфику двух разных субстратных языков или диалектов. Хотя выявленный ареал членится на три зоны, он образован топонимами с коррелятивными основами и с довольно высокой частотой употребления. Это может свидетельствовать о фитогеографическом характере основ и позволяет допустить, что они действительно имели в языке (языках) субстрата значение ‘дуб’.

Поскольку в настоящее время ни в Карелии, ни на РС дуб не растет, естественно возникает вопрос, произрастал ли он в этих краях в прошлом.

На юге Финляндии дуб обычен, и это отражено в топонимии, ср. *Tammilahti* ‘Дубовый залив’, *Tammimäki* ‘Дубовая гора’, *Tammisaari* ‘Дубовый остров’, *Tammisuo* ‘Дубовое болото’ и т.п. Неудивительно, что слово *tammi* финские ученые относят к типовым топонимообразующим основам [Nissila 1962 47]. В работах карельских топонимистов это слово не упоминается [Мамонтова 1982, Мамонтова, Муллонен 1991], хотя *tammi* ‘дуб’, *tammine* ‘дубовый’ еще фиксируются в карельских лексикографических источниках, например, в словаре ливвиковского диалекта [СКЯ 1990 375]. Карельский фольклор повествует о могучем дубе-великане, который ‘до небес дорос вершиной’ и ‘заслонил собою солнце’ [Леннрот 2001 26–30]. Встречаются любопытные факты и в русской топонимии Карелии, ср. название *Дубостров* в Заонежье. Подобные наименования засвидетельствованы и на РС, особенно в его южной части, ср. *Дубные*, *Дубник*, *Дубинка*, *Дубиха*, *Дубенка*, *Дубня* и т.п. Казалось бы, такие топонимы могут указывать на бывшее произрастание дуба, но ввиду многозначности русского слова [СРНГ, 8 231–232] эти свидетельства ненадежны, ср. название болота *Дубовое* в Шенкурском районе Архангельской области с объясняющим контекстом ‘лес там здоровый был, хороший, как дуб’.

Наиболее интересны и показательны данные палеоботаники, в частности, палинологического анализа. По оценкам начала XX в. северная граница дуба проходила через южное побережье Финляндии, Выборг, южную часть Тихвинского уезда, юго-запад Вологодчины, север Ярославской и Костромской губерний, южнее Вятки к верхнему течению Уфы [Танфильев 1902 193]. Однако по данным пыльцевого анализа некогда дуб рос значительно севернее. В период среднего голоцена (2500–7700 лет тому назад) дуб наряду с елью, сосной, березой и такими широколиственными породами, как липа и вяз был распространен до широты Белого моря [Нейштадт 1957 302, 361], что соответствует северной границе ареала топонимов с основами *тамб-* и *там-*. При этом надо иметь в виду, что субстратная топонимия могла возникнуть и позднее – в I тысячелетии н.э., указывая на реликтовые скопления дуба.

Обратимся теперь к этимологии фин. *tammi* и его коррелятам в других финно-угорских языках. В новом этимологическом словаре финского языка находим следующие соответствия: фин., ижор., карел., люд., вод. *tammi* ‘дуб’, эст. *tamm* = эрз. *tumo*, мокш. *tuma*, мар. *tum*, *tumo*, ? удм. *tl-pł*, ? коми *tu pi* ‘дуб’ (удм. *pł*, коми *pi* ‘дерево’) [SSA, 3 265]. В угорских языках соответствий фин. *tammi* нет. Венг. *tolgy* ‘дуб’ к финскому слову не имеет отношения и является, по-видимому, осетинским (аланским) заимствованием [Хайду 1985 156]. Самодейские параллели со значением ‘лиственница’ и ‘ель’ [Sebestyen 1943 26, Décsy 1965 214] из-за семантики крайне проблематичны. Поэтому фин. *tammi* считается словом финно-волжского или финно-пермского происхождения [Хакулинен 1955 9, Хайду 1985 156, Лыткин, Гуляев 1999 286, SSA, 3 265].

Основываясь на прибалтийско-финских, мордовских и марийских данных, восстанавливают финно-волжскую праформу **tomma* ‘дуб’ [Collinder 1960 155] или **to-ma/*tama* [Keresztes 1986 171], что позволяет возводить топонимы с основой *там-* (из субстратного **tam-*) к этой праформе. Труднее объяснить происхождение топо-

нимов с основой *тамб-*, хотя их материальная и ареальная соотнесенность с названиями, образованными от основы *там-*, достаточно очевидна

Дело в том, что при наличии консонантной группы *мб* в основе топонимов следует ожидать соответствующие рефлексы *тп* или *тв* во всех финских языках, кроме пермских, где произошла деназализация [Основы ФУЯ 1974 138] Фактически же в слове *tammi* и его коррелятах представлено *т* (в финском *тт*, в пермских – *θ*)

Интересны, однако, новые факты, выявленные Топонимической экспедицией Уральского университета в ходе работ на РС и свидетельствующие о том, что в соотношении *т* и *тв* в финно-угорском языковом континууме еще много неясного В русских говорах населенных пунктов по среднему течению Пинеги было многократно записано слово *сѣмба* со значением ‘веревка (тетива) в рыболовной сети’ Несомненно это слово связано с широко распространенным в других местах РС диалектным *сѣма* с той же семантикой, которое считается заимствованием из прибалтийско-финских языков, ср фин, *sima* ‘леска’, ‘веревка’ и др [Kalima 1919 218] Однако для варианта *сѣмба* найти рациональное объяснение на прибалтийско-финской почве невозможно, зато обращают на себя внимание саамские параллели с группой согласных *bm*, ср саам *duobmâ* при фин *tuomi* ‘черемуха’, *loabme* при фин *loma* ‘промежуток’ [Korhonen 1981 165–166] и *su'bmâ* при фин *sima* ‘леска’, ‘веревка’ [SSA, 3 176]

Это, разумеется, не дает оснований для уверенного вывода о том, что фин *tammi* > **tambi*, несмотря на наличие такой яркой топонимической параллели, как *Tammi lahti* в Финляндии и *Тамбичлахта* на РС (см выше о ретросубституции) Целесообразнее видеть в топонимах с основой *тамб* реликты какого-то другого финского языка, если учитывать ареал, возможно, саамского типа Поскольку в языке современных саамов соответствующего слова нет, это предположение развить трудно, хотя на РС ареал топонимов с основой *тамб-* в целом совпадает с зонами распространения таких типичных саамских основ, как *нюхч-* ‘лебедь’ и *челм-* ‘пролив’

Что касается названий с основой *там-*, то их ареал очень своеобразен и лингвистически не идентифицируется Можно только предположить, что эти топонимы восходят к одному из древних языков центральной части РС, по ареальным параметрам вряд ли прибалтийско-финскому Ясно, однако, что названия с основами *тамб-* и *там-* принадлежат родственным языкам, отражая разные этапы развития одного слова

Несмотря на охарактеризованные трудности, представляется, что с этимологией М Фасмера следует считаться, но надо иметь в виду “условность” большинства топонимических этимологий (см об этом [Матвеев 1965 10–14]) Поэтому закономерен вопрос, не может ли основа *тамб-* / *там-* иметь иное объяснение, то есть означать не ‘дуб’, а что-либо другое и притом топонимически важное

Действительно, наряду с *tammi*¹ (род *tammen*) ‘дуб’ в финском языке есть слово *tammi*² (род *tammen*) ‘плотина’, ‘дамба’, заимствованное из шведского *damm* ‘то же’ [SSA, 3 265] С семантической стороны это слово вполне топонимично, хотя в финском языке много коренных синонимов (*pato*, *sulku*, *toe*) *pato* считается финно-угорским словом [SSA, 2 324], *sulku* – финно-волжским [SSA, 3 211–212], а *toe* – прибалтийско-финским, заимствованным из балтийских языков [SSA, 3 301] На первый взгляд, нельзя исключить, что по крайней мере некоторые из названий с основой *тамб-* могут быть связаны с *tammi*², тем более что в русских говорах засвидетельствовано слово *та́мба* ‘дамба’ (Вашкинский район Вологодской области и Макарьевский район Костромской области) Все же есть основания думать, что это не так 1) топонимы с основой *тамб-* характеризуются четким, но ограниченным ареалом, основа со значением ‘дамба’ скорее имела бы более широкую и разреженную зону распространения, 2) слово *tammi*² фиксируется в финской лексикографии лишь начиная со словаря Э Леннрота (1880 г.) [SSA, 3 265], 3) *tammi*², кроме финского, засвидетельствовано только в карельском языке, в который оно проникло из финского и где считается новым словом [SSA, 3 265], 4) это слово заимствовано в

финский язык из современного шведского языка [SSA, 3: 265]; 5) некоторые названия с основой *тамб-* зафиксированы в XVI–XVII вв. (см. выше) и трудно допустить, что в их составе могут быть новошведские заимствования; 6) русск. *дамба* не могло повлиять на распространение топонимов с основой *тамб-*, так как русское слово, заимствованное из голландского *dam* или немецкого *Damm*, известно в форме *дам* лишь с начала XVIII в., а в форме *дамба* – с XIX в. [ЭСРЯ 1996, I: 484; Черных 1994: 231].

Если принять с некоторыми изменениями и дополнениями интерпретацию Фасмером топоосновы *тамб-*, целесообразно вспомнить и старую "финскую" этимологию русского слова *дуб*.

В конце XIX в. сразу несколько исследователей обратили внимание на фонетическую близость русск. *дуб* (праслав. **dǫbъ*) и фин. *tammi* 'дуб', допуская их связь [Diefenbach 1880: 225], отвергая ее [Mikkola 1894: 19] или, напротив, говоря о ней достаточно уверенно [Веске 1890: 268–271]. М.П. Веске сравнивает, в частности, ст.-слав. *дѣбъ*, русск. *дуб* с фин. *tammi*, эст. *tamm*, вод. *tammi*, ливв. *tamm*, эрз. *tumo*, мокш. *tuma*, мар. *tumo*, *tum*, удм. *туру-пи* и коми *dub*, которое, впрочем, попало в этот перечень ошибочно, так как является заимствованием из русского языка (фактически речь должна была идти о коми *туну* 'дуб'). Финскую основу *tamme-* Веске выводит из более ранних форм **tambe-* (**tampe-*) < **tomb-* (с учетом фин. *a* ~ слав. *o*), что и позволяло ему ввиду соответствия **tambe-* ~ праслав. **dǫbъ*³ усматривать в **dǫbъ* и *tammi* исторически общее слово.

В дальнейшем к этой этимологии обратились В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев, заметившие, что "было бы неразумным пренебрегать близостью слов **dǫbъ* < *dombo* и фин. *tammi* 'дуб', морд. *tumo*, *tuma* 'то же' и др. Праслав. **dombo-* могло быть заимствовано из прафин. диал. **tambe-* (> фин. *tamm-*)" [Топоров, Трубачев 1962: 246]. Впоследствии, правда, эта версия не получила развития и отражена только в ссылке [ЭССЯ, 5: 97], поскольку авторы ЭССЯ присоединились с некоторыми оговорками к этимологии К.-О. Фалька, который связывал славянское название дуба с и.-е. **dheubh-* 'глубокий', 'углубление' [Фальк 1958].

Праславянскому **dǫbъ* 'дуб' посвящена обширная литература, но и в самых новых работах соответствующая этимологическая статья может начинаться не очень вдохновляюще (ср. "без достоверной этимологии и надежных индоевропейских соответствий" [Аникин 1998: 229]). Действительно, в славянской и шире – в индоевропейской – этимологической традиции закономерно утвердился взгляд, что в праславянском языке древнее название дуба заменено новообразованием (см. [Гамкрелидзе, Иванов 1984, 2: 615]), но неоднократные попытки объяснить эти слова на индоевропейской почве пока не привели к убедительному решению (подробности см. [ЭСРЯ 1996, I: 547; ЭССЯ, 5: 96–97]). Наиболее перспективной в настоящее время считается идея о связи **dǫbъ* с и.-е. **dheubh-* 'глубокий', 'углубленный' с последующим семантическим развитием 'дупло', 'дерево с дуплом', а также 'низина' [Фальк 1958; ЭССЯ, 5: 97], при этом приводятся параллели из балтийских языков как с носовым инфиксом, так и без него [Аникин 1998: 230–231].

Целесообразность поисков в этом направлении несомненна. Тем не менее полагаем, что небесполезно иметь в виду и возможность сопоставления праслав. **dǫbъ* с данными финских языков, учитывая те новые факты, которые обнаружены при изучении топонимических источников. Трудности этимологического решения в рамках индоевропейских языков должны стимулировать поиск и в иных направлениях, предположительно рассматривая праслав. **dǫbъ* как результат конвергентного влияния неиндоевропейских языков, как древний субстратный реликт, который сохранился в финских и славянских языках. При этом нельзя не вспомнить мысли П. Аристе о доиндоевропейском языковом субстрате в финно-угорских, в частности, в прибалтийско-финских языках [Ariste 1971]. Но связь между **dǫbъ* и *тамб-* не может

³ Одно из объяснений *t > d* см. в [Топоров, Трубачев 1962: 246].

быть прямой: они имели разные пути развития, были усвоены на разных территориях и в разное время.

Давно выявленный "балтийский клин" отделял праславян от финнов, исключая возможность их прямых контактов, а следовательно, и заимствований. Немногочисленные лексемы, которые иногда рассматривались как заимствования из финских языков в праславянский и из праславянского в финские вызывали живые обсуждения, но ни в какой мере не поколебали этот тезис [Филин 1962: 131–132; Кипарский 1958: 128–129]. Однако при отсутствии надежных решений на собственно индоевропейской почве славяно-финские лексические корреляты, даже если они кажутся некорректными, должны изучаться с точки зрения европейской палеолингвистики. Речь идет прежде всего о словах, изолированных в рамках той или иной языковой группы, особенно лексике природы, как в данном случае, поскольку они привязаны к определенным территориям и могут восходить к древним субстратам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникин А Е 1998 – Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии. Материалы для балто-славянского словаря. Вып. 1. Новосибирск, 1998.
- АСМ 1988 – Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988.
- Веске М П 1890 – Славяно-финские культурные отношения по данным языка // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете Т VIII Вып. 1. Казань, 1890
- Гамкрелидзе Т В, Иванов Вяч Вс 1984 – Индоевропейский язык и индоевропейцы Т. 1–2 Тбилиси, 1984
- КБЧ 1950 – Книга Большому Чертежу М, Л, 1950.
- Кипарский В 1958 – О хронологии славяно-финских лексических отношений // Scando-Slavica, V. IV Copenhagen, 1958
- КОРК 2001 – Каталог озер и рек Карелии Петрозаводск, 2001.
- Леннрот Э 2001 – Калевала Петрозаводск, 2001.
- Лыткин В И, Гуляев Е С 1999 – Краткий этимологический словарь коми языка Сыктывкар, 1999
- Мамонтова Н Н 1982 – Структурно-семантические типы микротопонимии ливвиковского ареала Карельской АССР (Олонецкий район) Петрозаводск, 1982
- Мамонтова Н Н, Муллонен И И 1991 – Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии Петрозаводск, 1991
- Матвеев А К 1965 – Некоторые вопросы лингвистического анализа субстратной топонимии // ВЯ 1965 № 6
- Матвеев А К 2001 – Субстратная топонимия Русского Севера Часть I. Екатеринбург, 2001
- Нейштадт М И 1957 – История лесов и палеогеография СССР в Голоцене. М., 1957
- Основы ФУЯ 1974 – Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974.
- ПКОП 1930 – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930
- СГКЭ 1929 – Сборник грамот Коллегии Экономии Т. II Грамоты Двинского, Кольского, Кеврольского, Мезенского и Важского уездов Л., 1929.
- СКЯ 1990 – Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) Петрозаводск, 1990
- СП Олон 1879 – Списки населенных мест Олонецкой губернии. СПб., 1879
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л., 1965–
- Танфильев Г И 1902 – Полярные пределы дуба в России // Известия ботанического сада. Т. 2. Вып. 7. СПб., 1902
- Топоров В Н, Трубачев О Н 1962 – Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья М., 1962.
- Фальк К-О 1958 – Славянское название дуба // Scando-Slavica. V. IV Copenhagen, 1958
- Филин Ф П 1962 – Образование языка восточных славян М., Л., 1962.
- Хайду П 1985 – Уральские языки и народы М., 1985.
- Хакулинен Л 1955 – Развитие и структура финского языка. Часть II М., 1955
- Черных П Я 1994 – Историко-этимологический словарь современного русского языка Т. I М., 1994

- ЭСРЯ 1996 – М Фасмер Этимологический словарь русского языка Т I–IV М, 1996
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков Праславянский лексический фонд
Вып 1– М, 1974–
- Ariste P* 1971 – Die ältesten Substrate in den ostseefinnischen Sprachen // СФУ 1971 № 4
- Collinder B* 1960 – Comparative grammar of the Uralic languages Uppsala, 1960
- Décsy Gy* 1965 – Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft Wiesbaden, 1965
- Diefenbach L* 1880 – Volkerkunde Osteuropas, insbesondere der Haemoshalbinsel und der unteren Donaugebiete Bd 2 Darmstadt, 1880
- Kalima J* 1919 – Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen Helsinki, 1919 (MSFOu XLIV)
- Keresztes L* 1986 – Geschichte des mordwinischen Konsonantismus II Etymologisches Belegmaterial // Studia Uralo-Altaica 26 Szeged, 1986
- Korhonen M* 1981 – Johdatus lapin kielen historiaan // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 370 Helsinki, 1981
- Mikkola J J* 1894 – Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen I Slavische Lehnwörter in den westfinnischen Sprachen Helsingfors, 1894 (MSFOu VIII)
- Nissila V* 1962 – Soumalaista nimistöntutkimusta // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 272 Helsinki, 1962
- Sebestyen Iren N* 1943 – Fak és fas helyek régi nevei az urali nyelvekben // Finnugor értekezések szerkeszté Zsrai Miklós № 7 Budapest 1943
- SSA – Suomen sanojen alkuperä Etymologinen sanakirja 1–3 Helsinki, 1992–2000
- Vasmer M* 1934 – Beiträge zur historischen Volkerkunde Osteuropas II Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Ländern // SPAW Phil -hist Klasse Bd XVIII Berlin, 1934